

Анатолий Горбатюк

«Исаак, слушай сюда!», или Ностальгическое путешествие в дождливое лето 1963 года

Летом 1963 года состоялась заключительная гастрольная поездка Одесского молодежного эстрадного ансамбля (ОМЭА). С тех пор прошло ровно 56 лет (эти строки пишутся в 2019 году), по понятным и неотвратимым причинам значительная часть героев этого повествования в разное время отошла в лучший мир, и Автору (так я себя обычно называю) будет ой как нелегко самостоятельно выудить из памяти события, связанные с этими гастрольями, и расположить их в правильном, с точки зрения хронологии, порядке.

Впрочем, у меня есть замечательный помощник. Он не пытается лезть с глупыми советами и терпеливо ждет, когда я его о чем-либо спрошу. Ответы он выдает безошибочно и мгновенно. Если таковых он не имеет – сразу же в этом признается: мол, на меня здесь не рассчитывай. Не буду тебя, Читатель, интриговать и сразу назову этого удивительного помощника: сохранившаяся старая гастрольная афиша...

Конечно, в этом приблизительно месте нетерпеливый Читатель обязательно спросит: «А что это за эстрадный ансамбль такой, когда он появился, сколько просуществовал?..». Мне кажется, Читатель вправе немедленно получить ответы на все интересующие его вопросы. А потому – немного истории*...

...Безусловно, затеянная Н.С. Хрущевым «оттепель» не могла не коснуться и музыкальной сферы. Начиная с середины 1950-х гг., то есть сразу после смерти главного тирана И.В. Сталина, Советский Союз начали интенсивно посещать гастролировавшие по Европе джазовые коллективы. И хоть по-прежнему джаз являлся наполовину

* Здесь я далее Автор будет периодически использовать как первоисточник его же книгу «Хоть джаз и не родился в Одессе...», выдержавшую три издания.

запрещенным музыкальным продуктом с прилепленным еще в 1930-х гг. ярлыком от великого пролетарского писателя Максима Горького («в девичестве» Алексей Пешков) «Джаз – музыка толстых», эта «толстая музыка», несмотря на истерики партийных боссов, прочно входила в быт советских людей. А пропагандистские стишки типа «сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст» ничего, кроме саркастических улыбок, уже у трудящихся не вызывали.

Очень быстро («телеграфно» – так, кажется?) расскажу о посетивших Одессу в указанный отрезок времени джазовых коллективах – зарубежных и отечественных.

Первая ласточка – приезд в Одессу после ссылки зимой 1954 года оркестра под управлением Эдди Рознера. Как его встретила Одесса! Оркестр был великолепен. Большой музыкант Рознер пополнил свой «ветеранский» состав (Цейтлин, Маркович и др.) талантливой молодежью, среди которой особенно ярко сверкали новые звезды джаза – барабанщик Борис Матвеев и певица Нина Дорда (вся Одесса запела тогда вслед за Дордой «Моя родная Индонезия»). Да, это был выдающийся коллектив! Но сыграй Рознер сотоварищи в десять раз слабее – все равно прием был бы таким же: одесские любители джаза, одесские музыканты хорошо представляли себе, через что прошел легендарный «предводитель джаза» и его друзья, какие муки они испытали и какое мужество надо было иметь, чтобы как ни в чем не бывало снова после ссылки появиться на сцене, чтобы снова на фоне возрожденного оркестра зазвучала серебряная труба Рознера...

А как всколыхнулась джазовая жизнь Одессы с приездом знаменитого «Голубого джаза» из Польши! Сколько трубачей – наших земляков – сразу же взяло на вооружение немеркнущий «Вишневый сад»!.. Одним из наиболее ярких исполнителей этой пьесы (и не только в Одессе) был мой друг Аркадий Астафьев...

...Летом 1956 года, впервые после долгих лет изоляции, в Одессу пришел красивейший пассажирский теплоход «Бретань» с французскими туристами на борту. Как совершенно точно вспоминал впоследствии тонко разбиравшийся в джазовой музыке Юрий Зюкин*, рассыпавшиеся по городу французы продемонст-

* Мой друг Юрий Петрович Зюкин, профессор Одесского инженерно-строительного института, безвременно скончался на 72-м году жизни летом 2010 г.

рировали страстное желание познакомиться с одесситами, узнать, как живет этот прекрасный приморский город, о котором они знали очень мало. Никакое вмешательство КГБ не могло остановить стихийный обмен сувенирами на Приморском бульваре и Дерибасовской, на Пушкинской и в парке им. Шевченко... Все были ошеломлены: без знания языка (за очень редким исключением) люди общались, прекрасно понимая друг друга и получая от общения истинное наслаждение. Через год, в 1957 году, такая же ситуация повторится в Москве, на Всемирном фестивале молодежи и студентов...

Кстати, о парке имени Т.Г. Шевченко. Здесь одесситов ожидал главный сюрприз: возле центрального входа в стадион, в старенькой (еще довоенной) эстрадной «ракушке» состоялся «фее-рический», как утверждает Зюкин, концерт силами судового оркестра теплохода «Бретань». Многотысячная толпа благодарных одесских любителей музыки, рассеяная кто на скамьях, кто на бордюре стоящего напротив «Александрийского столпа», а большая часть – прямо на асфальте, жадно впитывала в себя волшебные звуки джаза.

Так называемый «шведский» состав, состоящий из профессиональных музыкантов, просто здорово отыграл свой репертуар, куда входили популярные джазовые мелодии, с трудом доходящие до советских любителей джаза от «Голоса Америки» через «глушилки» или благодаря «музыке на костях» – кустарным образом записанным на рентгеновских снимках популярным джазовым пьесам. Концерт, в котором бисировался каждый номер, затянулся далеко за полночь. Многие, очень многие присутствовавшие на нем одесские музыканты получили прекрасный мастер-класс.

Как не вспомнить оркестр из «братской» в то время Румынии под управлением Малагамбы (делавший в то время первые робкие шаги в джазовой музыке одесский барабанщик Сэм Казацкер получил от своего учителя Бориса Шпирта почетную кличку Малагамба – в честь замечательного румынского джазмена). Концерты этого коллектива, проходившие летом 1958 года в Зеленом театре, собирали под его стенами огромное количество поклонников.

А удивительный – и по составу, и по звучанию – джаз-квартет Густава Брома из Чехословакии (саксофон-баритон, труба, контрабас, ударные)?

А концерты оригинального оркестра «Электрокорд», где звучали малознакомые нам электроинструменты в сочетании с традиционными духовыми инструментами?..

Однако, как это ни странно прозвучит, наибольшее впечатление произвел на одесситов приезд самодеятельного коллектива. Представители моего поколения вспомнят сами, может быть, о ком идет речь. Людям помоложе подскажу: в Одессу с длительными гастролями прибыл симфоджаз из Ленинграда – ЛЭМА (Ленинградский эстрадный молодежный ансамбль) под руководством Анатолия Бадхена.

Во-первых, всех нас, до предела заполнивших Зеленый театр в парке им. Шевченко, где выступал этот коллектив, потряс размах: раскрывается занавес, а на сцене – оркестр из 50 (!) музыкантов, мужской и женский вокальные квартеты, большая танцевальная группа, группа солистов... Во-вторых, мы впервые увидели воочию, что при профессиональном отношении к музыке (в частности, к джазу) самодеятельность поднимается на столь высокую ступень, что сразу же забываешь: для тебя играют и поют будущие врачи, строители, журналисты...

Впрочем, многие из участников ЛЭМА вскоре перешли в профессиональные коллективы, их имена узнала вся бывшая держава (Колкер, Суханова, Волков и др.). И, в-третьих, что, очевидно, самое главное и в нашем повествовании: приезд ЛЭМА стал толчком к созданию Одесского молодежного эстрадного ансамбля. Для этого понадобились: время (два года), место (город Одесса), энтузиасты (очень большая группа), во главе которых стоял Евгений Болотинский, и, конечно же, меценаты (правление Дворца культуры им. Леси Украинки во главе с незабвенным Генрихом Григорьевичем Пинским). А кроме того, прогрессивное руководство одесского комсомола (большая редкость!): первый секретарь обкома Владимир Бондарчук, первый секретарь горкома Николай Бабин, секретарь горкома Тамара Холонгот (Сазонова), нашедшее поддержку у секретаря обкома партии мудрой Лидии Всеволодны Гладкой...

Прошу обратить внимание на следующее: создание симфоджаза в Одессе вовсе не было слепым копированием ленинградского коллектива. Была использована идея, касающаяся формы, которую успешно наполнили одесским содержанием, в котором на фоне музыки одесских композиторов звучал добротный интеллигентный, чисто одесский юмор.

И нужно, наконец, рассказать о главном энтузиасте задуманного в Одессе – Евгении Наумовиче Болотинском. Скажем сразу: будучи старше основной группы задействованных двадцатилетних музыкантов на «целых» десять лет, Болотинский как непререкаемый авторитет в вопросах музыкальной культуры был в полном смысле «своим парнем», разрешал называть себя Женей, на «ты»... Он начал свою трудовую музыкальную деятельность еще юношей в джаз-оркестре кинотеатра «Бомонд» под управлением Рудольфа Свицкого в 1946 году. В середине 1950-х Евгений Наумович, выпускник Одесской консерватории, кларнетист, руководил оркестром кинотеатра «Серп и молот». Для нас тогда было загадкой – как самый рядовой исполнитель, играющий партию *второго* кларнета в «своем» же оркестре, может совершенно без всякого нажима руководить довольно крепкими, известными не только в Одессе музыкантами? Почему именно к нему, Жене, так тянется молодежь?

Параллельно с работой в оркестре кинотеатра Болотинский начал руководить самостоятельным оркестром Одесского института инженеров Морского Флота – еще будучи студентом консерватории.

Напомню, что в те годы в одесских учебных заведениях существовало несколько довольно крепких оркестров с составом, близким к «биг-бенду», – медная группа из 6-7 человек, группа саксофонов из 4-5 музыкантов и т. д. Руководили ими подвижники частично вышедшего из запрета джаза – Петр Семенович Розенкер, Евгений Федорович Танцюра, Петр Иванович Киселев, Юрий Николаевич Степанов, Альберт Михайлович Шиндеровский в содружестве с Эдиком Мелик-Мурадяном...

С приходом в оркестр «Водного» Жени Болотинского в одесском джазе сразу же появился безоговорочный лидер на долгие годы. Да, далеко не все звучало чисто, сказывался неровный профессиональный уровень музыкантов (здесь играли и быстро

растущие молодые «профессионалы», в будущем ставшие известными в огромной тогда стране, – Виктор Грицаев, Виктор Буздес, Аркадий Астафьев, и самодеятельные исполнители из числа студентов). Но этот неповторимый запал, энергия и желание сыграть, «как Бесси», творили чудеса!..

В году, дай Бог памяти, 1957 с этим оркестром случилась беда: коллектив потерял бдительность. Это произошло в славном городе Николаеве, куда оркестр «Водного» был отправлен в поощрительную командировку одесским горкомом комсомола. Оркестр очень успешно выступил перед молодежью Николаева, аплодисменты были такими бурными и продолжительными, так ярко демонстрирующими дружеские чувства к одесскому студенческому оркестру, что, к радости оркестрантов, Болотинский решил сыграть – для друзей! – «Ночь в Гарлеме». По большому счету, ничего в этой джазовой пьесе особенного не было, и все бы осталось незамеченным, если бы конференсье, как это обычно делалось в то стремное время, прочитал небольшой доклад о рабской жизни черного населения США, а тут – расслабился (мол, чего друзьям голову морочить?) и просто объявил: «Американская джазовая пьеса «Ночь в Гарлеме»...

Вы понимаете, *что* он, этот умник, сказал? Мало того, что джазовая, так еще и американская!.. Нашелся-таки настоящий комсомолец (а может, и не один), написавший в одесский горком партии гневное письмо по поводу буржуазных нравов, насаждаемых одесскими студентами среди населения Николаева. Очень быстро Одесса отреагировала: оркестр был расформирован, Болотинский, естественно, с позором уволен, причем секретарь парткома института произнес с мечтательным выражением лица загадочную фразу: «Эх, попадись ты мне лет семь назад!..».

...Учитывая явную неблагонадежность Евгения Наумовича, когда в 1958 году руководство дало добро на создание симфоджаза (по типу, между прочим, ленинградского, где, как считалось, никаких идейных колебаний быть не могло), так вот, учитывая неблагонадежность Болотинского, о руководстве будущим коллективом он и мечтать не мог, так что спасибо бы сказал, что доверили ему должность второго дирижера. Когда же по прошествии нескольких месяцев представительная делегация начавшего

репетиции коллектива добились приема у первого секретаря обкома комсомола (он же – член бюро обкома партии!), то привела неопровержимые доказательства того, что Болотинский осознал свои грубые идеологические заблуждения, а потому коллектив просит назначить именно его художественным руководителем и главным дирижером ОМЭА. Так Евгений Наумович возглавил довольно сложное соединение музыки и юмора и с утроенной энергией занялся своим детищем.

Забегая чуточку вперед, отметим: коллектив просуществовал до осени 1963 года, то есть что-то порядка пяти лет. За это время произошла частичная, но в качественном отношении значительная смена музыкантов во всех группах, и было создано две театрализованных программы. Первая называлась «У самого синего моря», вторая – «Как пройти на Дерибасовскую». Обе имели колоссальный успех – и на одесских площадках, и на выезде. Вот о последней гастрольной поездке коллектива я и хочу рассказать, для чего обращаюсь к сохранившейся афише.

Сразу предупреждаю читателя: это не основная, а *дополнительная* афиша, связанная с продлением гастролей в Ленинграде. Первая афиша, по содержанию ничем не отличавшаяся от дополнительной, рекламировала – вы не поверите! – 29 (двадцать девять!) концертов на самой вместительной летней концертной площадке Ленинграда – концертном зале в Саду отдыха, что на Невском проспекте. Представляете: 29 концертов и 29 аншлагов, что и подвигло организаторов концертов на продление гастролей ОМЭА – еще на восемь концертов начиная с 5 августа (предыдущие заканчивались 4 августа). Но (вот незадача!) согласно расклеенным по городу афишам, 6 августа в Саду отдыха должны были начаться концерты чрезвычайно популярной греческой эстрадной певицы Иованны... Принимается беспрецедентное решение: Иованну переводят на второстепенную летнюю площадку в Измайловский парк, а в Саду отдыха оставляют *самодетельный* коллектив из Одессы! А теперь прочитаем афишу театрализованного эстрадного концерта в двух отделениях: художественный руководитель и главный дирижер Евгений Болотинский, художник Михаил Ивницкий, концертмейстер Людмила Фирябова; оркестр (симфоджаз) в составе

50-ти человек (дирижер Станислав Калинин, музыкальный руководитель Александр Красотов, оба выпускники Одесской консерватории); группа солистов-вокалистов: Алиса Джамагартян, Жан Чаликян, Руфим Гасанов, Валентина Олейникова, Наталия Розанова, Серафима Шумиловская, Виталий Толстых; женский и мужской вокальные квартеты; эстрадный балет – 12 самых длинноногих одесских красавиц (балетмейстер – заслуженный артист МолдССР Виктор Рыжиков); артисты оригинального жанра; исполнители ролей: Михаил Жванецкий, Виктор Ильченко, Роман Кац (впоследствии, у Райкина, он стал Карцевым), Лидия Зайцева, Евгений Оршулович, Давид Макаревский, Валентина Мельник... Не могу не вспомнить зав. постановочной частью Владимира Капаровского и зав. радиоузлом Евгения Ивина. К сожалению, многих из названных уже нет с нами, потому так подробно я передаю текст старой афиши...

А если еще учесть, что тексты разыгрываемых сцен из жизни Одессы писались молодыми одесскими авторами Михаилом Жванецким, Виктором Ильченко, Александром Лозовским, Борисом Лобковым, легко понять причину бурных оваций и бесконечных бисовок...

...Неожиданно весь коллектив собирают за 3 часа до начала последнего, как все мы думали, концерта в Ленинграде 4 августа, и не где-нибудь, а в недавно открывшемся на Невском проспекте ресторане «Нева». Оказывается, мы приглашены на восьмидесятилетие организатора гастрольной поездки Исаака Михайловича Руммеля, знаменитого в прошлом импресарио, возившего в гастрольные поездки Изабеллу Юрьеву, молодого Леонида Утесова... Нет, все-таки Исаак Руммель стоит того, чтобы ему посвятить небольшую отдельную главу...

* * *

...Абель Абрамович Зильбер и его супруга Ханна Гиршевна являлись известными и уважаемыми музыкальными деятелями Пскова. Абель Абрамович служил капельмейстером 96-го пехотного Омского полка, а Ханна Гиршевна получила известность как удачливый антрепренер, приглашавший на гастроли

в Псков популярных артистов – отечественных и зарубежных. Впрочем, к этому времени Ханна Гиршевна стала называться Анной Григорьевной, что никакого значения для нашего исследования не имеет. Кроме того, супружеская чета Зильберов давала частные уроки музыки. Усердный труд в течение многих лет позволил им открыть в 1900-м году магазин, продававший музыкальные инструменты и ноты, а через двенадцать лет, в 1912-м году, – второй музыкальный магазин со звучным названием «Грамофон». Его хозяйкой значилась старшая дочь Зильберов Мирра Абелевна, несколько перепрофилировавшая деятельность своего магазина, через некоторое время начавшего успешную торговлю пишущими машинками. Вторая дочь Зильберов, Лея (Елена) Абелевна, вышла замуж за близкого друга своего брата Льва – выпускника Псковской мужской гимназии Юрия Николаевича Тынянова, ставшего знаменитым писателем. А сам Лев Абелевич Зильбер – академик, известный вирусолог.

В 2002 году газета «Псковская губерния» опубликовала двенадцать глав истории семьи Зильберов – к 100-летию со дня рождения их сына, известнейшего писателя Вениамина Каверина, автора популярнейших «Двух капитанов». Здание Псковской средней школы № 1, где когда-то размещалась мужская гимназия, украшают мемориальные доски в честь Юрия Тынянова, Вениамина Каверина и Льва Зильбера.

Так вот, *рассказ о семье Зильбер связан исключительно с тем, что наш герой – Исаак Михайлович Руммель – женился на старшей дочери Абея Абрамовича и Ханы Гиршевны, предприимчивой, как оказалось, коммерсантке Мирре Абелевне Зильбер...*

...В 1886 году в Пскове Гилель Аронович Руммель открыл типографию с литографией. Через некоторое время типография была оборудована пятью печатными машинами, снабженными электрическими приводами, которые обслуживались тридцатью квалифицированными рабочими. Проходит два года, и при типографии открывается универсальный писчебумажный магазин. Им управляла супруга Гилеля Ароновича Лея Давидовна.

Хаим Аронович, брат Гилеля Руммеля, имел менее престижный, но вполне доходный бизнес, занимаясь сбором так называемых

мого вторсырья, для хранения которого был оборудован вместительный подвал в его собственном доме.

«Наш» Руммель, Исаак Михайлович, являвшийся родственником этих уважаемых предпринимателей, в наступившую советскую эпоху успешно руководил в Пскове Коммунальным театром, открывшемся в помещении Пушкинского дома. 21-22 мая 1920 года он успешно провел здесь гастроль Федора Ивановича Шаляпина, о чем сам написал рассказ «Концерты в Пскове». Рассказ этот вошел в трехтомник воспоминаний о великом певце Шаляпине.

Затем в России наступил нэп – «новая экономическая политика». Проявив предприимчивость, Исаак Михайлович Руммель становится владельцем кинотеатра «Коммуна» (бывший «Модерн») и остается таковым до 1928 года. Вовремя и, главное, с немалой личной выгодой избавившись от «Коммуны», Исаак Руммель переквалифицируется в импресарио...

* * *

Поскольку уже давно никого из организаторов этих гастролей во главе с Исааком Руммелем нет на этом свете, могу позволить себе задуматься над тем, сколько наварили Руммель сотоварищи, имея при этом в виду, что после Ленинграда мы еще дали 4 концерта в Риге и по 2 – в Вильнюсе и Таллине. Фокус заключался в том, что это был – по документам – *самодельный* коллектив, и кроме суточных (аж 2 руб. 60 коп. в день на человека) мы ничего не получали, и жили, как правило, в самых дешевых гостиницах, по сути дела – в общежитиях. А билеты на концерты, позволю себе напомнить, продавались не на самодеятельность, а вполне «профессиональные». Представляете – всего 45 концертов на вместительных летних площадках Ленинграда и Прибалтики! Молодец, Исаак Михайлович!..

...После объявления о продлении гастролей слово для приветствия юбиляра предоставляется Михаилу Жванецкому. Миша достал из кармана брюк вчетверо сложенный лист бумаги, развернул его и задумался. Мы приготовились услышать что-то вроде «Дорогой Исаак Михайлович! Разрешите от имени...». Миша

резко разворачивается в сторону юбиляра, одетого в элегантную «тройку» с галстуком-бабочкой, и по притихшему залу, как гром среди ясного неба, разносится: «Исаак! Слушай сюда!..».

Повторюсь: с тех пор прошло 56 лет, но это обращение, а еще больше – реакцию на него юбиляра представляю так ясно, будто произошло все вчера. Мы ведь еще и не догадывались, что перед нами выступал не механик 2-го района Одесского морского порта, а без пяти минут литературный классик, дружбой с которым будем ужасно гордиться! И Миша, слава Создателю, не зазнался, всегда со всеми приветлив, потому что понимает: мы его любим!..

